

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Память вечна

В рядах «Бессмертного полка» моего рода – два героя. Дядя Алексей Степанович Полевничий и отец Павел Максимович Тимохин. Оба призваны на фронт из Родино.

Алексей Полевничий был тяжело ранен и умер от ран 30 апреля 1944 года, похоронен на гражданском кладбище в г. Котовске Одесской области. К сожалению, больше ничего о нем неизвестно. Осталась только память. Появилось желание съездить к нему на могилу, отвезти горстку родной земли и низко-низко поклониться.

Гвардии старший сержант Павел Максимович Тимохин был призван в 1943 году в неполные 18 лет. Вернулся в родное Родино после Великой Победы. Никогда не рассказывал о своем боевом пути, трудностях, контузии и наградах. Старался эту тему

избегать. Жаль, что в детстве в силу возраста я не понимала, что надо расспросить и запомнить, а лучше записать. Конечно, его медали и ордена – наша семейная реликвия. Благодаря сыну мы узнали о подвигах отца: после открытия военных архивов он привез распечатанные награжденные листы.

Перечитываю их, и ком к горлу подступает. Молодой совсем, а такой бесстрашный.

«При прорыве сильно укрепленной обороны противника в районе города Пилькаллен 13 января 1945 года тов. Тимохин вел огонь бесперебойно и уничтожил две пулеметные точки противника. Ходатай-

ствуем о награждении орденом Красной Звезды».

«Наводчик миномета Павел Тимохин проявил себя отважным и смелым. 7 апреля 1945 года при прорыве сильно укрепленной обороны противника дал возможность продвигаться нашей пехоте. Достоин награждения орденом Славы III степени». Все документы я бережно храню в отдельной папке и передам своим внукам.

Вот уже четыре года мы следуем семейной традиции – 9 Мая вывешиваем баннер с портретом отца. Спасибо за эту идею сыну. Теперь мы в Родино – на усадьбе по ул. Советской, где жили родители, а сын – возле своего дома в Барнауле

вывешиваем баннеры с портретом нашего героя Великой Отечественной – Павла Максимовича Тимохина. Память

будет жить вечно, мы с сестрой Екатериной в этом уверены. Валентина КАРПЕЧЕНКО, с. Родино.

РЯДОМ С НАМИ

Жизнь как книга

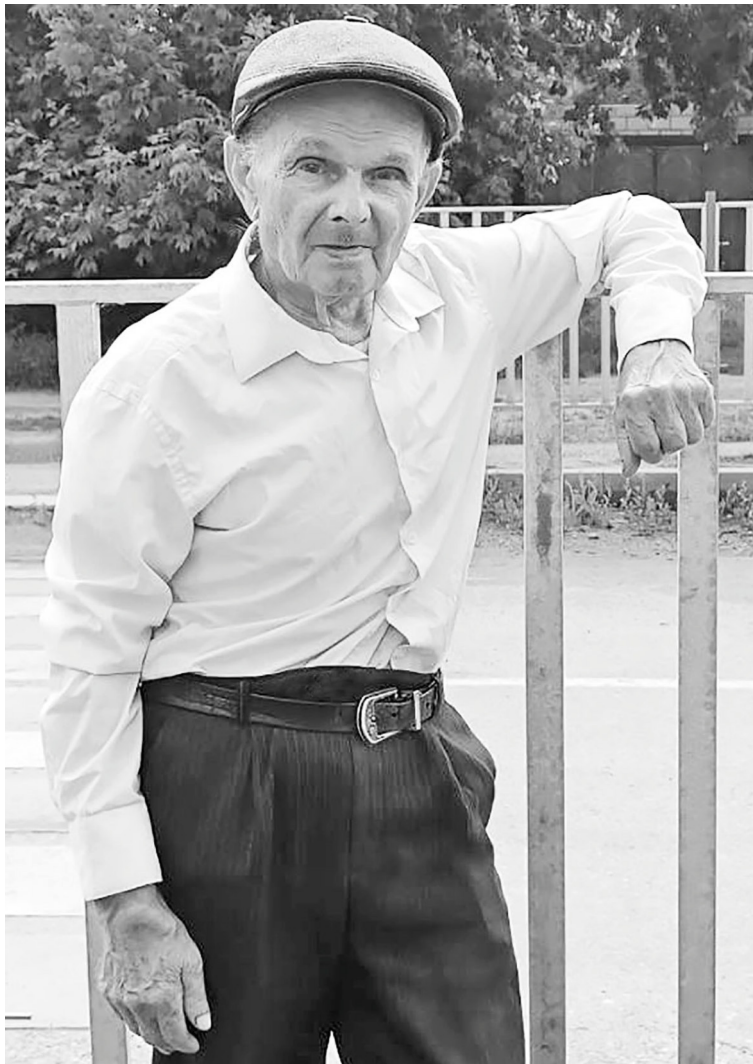
Письма в редакцию от Евгения Васильева из Степного Кучука приходят с завидной регулярностью. В них – от руки выведенные строчки стихов. О чем они? Обо всём. О жизни, молодости, работе и даже ситуации в мире. На прошлой неделе свои стихи он занес сам, был в Родино и решил зайти.

Рифмы о блокаде Ленинграда от имени мальчика перечитала несколько раз. Евгений Романович следил за реакцией, и когда я спросила: «Это Вы о себе рассказываете?», глаза пожилого человека наполнились слезами.

– Да, это обо мне. Чем старше становлюсь, тем чаще думаю о родителях, где-то в самых дальних уголках моей памяти сокрыты те осколки детства, которые иногда появляются, как яркие кадры кино. После начала Великой Отечественной войны наш детский сад эвакуировали из Ленинграда в Елабугу. Родители остались в городе, папа работал на секретном заводе, а мама... Не знаю, почему, но ехали только воспитатели, – начал свой рассказ Евгений Романович.

Потом были детский дом, школа, учеба в школе только на отлично. В один из солнечных дней шестиклассника Женю пригласили в кабинет к директору детдома, где кроме воспитательницы была высокая красивая женщина. Она стояла так, что лучики света играли в ее пышной прическе. Мальчик подумал: видимо, хотят усыновить.

– Знаете, она так на меня смотрела, но при этом не произнесла ни слова. А меня ждали более важные дела – друзья. С возрастом я все более ощущаю, что это была моя мама, она хотела убедиться, что я живой. Но это, конечно, только предположение... Такой ее и помню – высокой и красивой. Папа был, как я сейчас, маленького роста.

После окончания семилетки как ни уговаривали воспитатели остаться в школе, но Евгений подал документы в ремесленное училище. Рассказывает, сам себе жизнь усложнил, потому что потом и в вечернюю школу записался. Можно сказать, жил на трамвайной остановке, чтобы все успеть. В 1956 году по комсомольской путевке поехал на стройку в Оренбургскую область. Строили железную дорогу, потом мост – вручную надевали бетонную рубашку на десятиметровую опору моста – опалубка, арматура, бетонная смесь. Из инструментов – лопата и ведра.

Подшел срок службы в армии, тогда повестка приходила в 19 лет. Попал в войска связи в Приморском крае. Сначала работал за коммутатором, потом был в части почтальоном. И как-то уже перед дембелем в газете «Суворовский натиск» Евгений прочитал обращение директора училища механизации из Алтайского края. Откликнулся, пришел вызов, и он выехал в Тальменку. К уборочной страде уже был с корочками тракториста-машиниста широкого профиля. По распределению попал в ГПЗ «Родинский», где в ту пору директорствовал Григорий Яковенко. Вот так круглый

сирота и приехал в наш район. Работал, женился на Шурочке из многодетной семьи.

– На свадьбу нам подарили теленка, поросят и овец. Мне, который всю жизнь питался только в столовых, все это было непривычно. Но обустроились, стали обживать. Директор выделил сначала мазанку, а потом и новую квартиру. После окончания с отличием рубцовского техникума я переехал сначала в Верх-Незаймай, потом в Степной Кучук. Работал и на комбайне, и токарем. И всю жизнь писал стихи. Не могу объяснить, откуда эта страсть у меня. Душа просит, – смущаясь, говорит Евгений Романович.

На тему поиска родителей у него тоже есть история. Оказывается, он писал Агнии Барто, которая в 1965-1974 гг. вела радиопередачу «Ищу человека». Это была такая хрупкая соломинка надежды и для детей, и для родителей. Иногда по цвету туфель или родинке на плече соединялись самые родные люди. Но не у Евгения Романовича. Кроме фотографии своего довоенного детского дома, он получил адрес своей троюродной сестры, проживающей в Эстонии.

– Я ей писал, высылал посылки с медом, подарками. В ответ – молчание. Тогда я набрался смелости и поехал к ней в гости. На предложение съездить вместе в Ленинград она сказала, что после пережитой блокады не может смотреть на этот город. Слишком тяжелы воспоминания. В следующий мой приезд она обмолвилась, что мать моя жива. Мне ничего не оставалось, как собрать чемодан и вернуться домой, – тяжело вздыхает Евгений Романович.

Его жизнь как книга, которую не пожелаешь ни одному ребенку. Но она прожита, и он по-прежнему пишет стихи и по ночам вспоминает ту женщину, освещенную лучами солнца. Может, все-таки это и была она, его мама?

РИФМЫ

Блокада

Еще не было блокады. Первый праздник – Новый год. Это было в Ленинграде, Веселился весь народ.

Я в кроватке из оградки, Конь-качалка, всадник – я. Мир и счастье, всё в порядке, А вокруг моя семья.

Мой отец, как в небе Бог, Мать – как фея в облаках. Конь со всех пустился ног, А узда в моих руках.

Мир, казалось, для меня Одного лишь сотворен. Оседлав судьбы коня, Я во все вокруг влюблен.

Сорок первый, Новый год Я в семье встречал влюбленный В то, что будет наперед, В то, чем был я окруженный.

То, что будет впереди, Не познать в подлунном мире. Вот семья. И вдруг один Я остался сиротиной.

А в июньскую жару На рассвете, поутру С неба вдруг посыпал град Черных бомб на Ленинград.

И блокада началась, И война проникла в речь. Но в Москве осталась власть. Началась большая сечь.

Где теперь семья моя, Где моя пропала мама, Где отец? Не знаю я Я в сетях любви обмана.

Дом остался в Ленинграде. Я – в вагоне. Детский сад Эшеломом из блокады Едет в место наугад.

Воспитатели в вагоне И заведующая в нем. У детей остались кони В Ленинграде под огнем.

В небе вражьи самолеты. Цель пилота – детский сад. Поезд мчит, а бомбометы В цель попали. Летчик рад.

Конь в блокаде оказался – Мирной жизни старожил. В детском саде я спасался. Конь блокаду пережил.

Евгений Романович ВАСИЛЬЕВ, с. Степной Кучук.

Страницу подготовила Ольга КОЛМАКОВА. Фото автора и из архива семьи В. КАРПЕЧЕНКО.